

Реджеп Тайип Эрдоган

Людмила Садыкова

к.и.н., научный сотрудник Центра партнерства цивилизаций Института международных исследований МГИМО МИД России

Элана Эшба

к.и.н., младший научный сотрудник Центра партнерства цивилизаций Института международных исследований МГИМО МИД России

Кто же Вы, господин Эрдоган? Этим вопросом сегодня задаются многие, и каждый находит свой ответ, причем зачастую мнения на этот счет прямо противоположные.

Кто-то его люто ненавидит, другие чуть ли не боготворят, но вряд ли среди людей, интересующихся политикой или конкретно Турцией, есть люди совершенно к нему равнодушные. И это, вероятно, может служить еще одним доказательством того, что президент Турции — один из самых харизматичных действующих политических деятелей в мире.

Высказывания Р. Эрдогана порой повергают в шок, действия не всегда поддаются логике, да и в целом трудно понять, что у этого политика на уме. Возможно, именно такая загадочность и непредсказуемость как раз и есть причина неизменного интереса к его персоне. Так кто же Вы, господин Эрдоган?

Известно, что будущий президент Турции родился 26 февраля 1954 г. в районе Бейоглу в Стамбуле в семье работника береговой охраны. Детские годы провел в Ризе и только уже будучи 13-летним подростком переехал с семьей обратно в Стамбул. Он рос в небогатой семье, и в его официальной биографии отмечается, что в подростковом возрасте он подрабатывал, продавая на улицах Стамбула лимонад и турецкие кунжутные булочки — симиты. Прежде чем защитить диплом в области экономики и коммерческих наук в Университете Мармара, Р. Эрдоган получил исламское религиозное образование. В отличие от многих других турецких политиков, Р. Эрдоган не имел отношения к партии, унаследовавшей светскую идеологию отца Турецкой Республики К. Ататюрка. Он не служил в рядах высшей государственной бюрократии и, более того, успел попасть в тюрьму за свои политические взгляды. Такое скромное происхождение и нетипичный политический путь быстро превратили Р. Эрдогана в борца за справедливость в глазах консервативного среднего класса, тем самым обеспечив ему симпатии большинства населения Турции.

О его этническом происхождении нет достоверной информации. В некоторых турецких изданиях появлялась информация о том, что во

время визита в Грузию Р. Эрдоган рассказал о своих аджарских корнях и о предках, переселившихся в Ризе из Батуми. Однако позже в телевизионном интервью турецкому каналу NTV он в резкой форме опроверг эту информацию: «Меня называют грузином. Прошу прощения, но иногда говорят и еще хуже — что я армянин. Но я — турок!». Это интервью тогда наделало много шума, по его следам CNN Turk в Twitter задались вопросом — «Действительно ли так ужасно быть армянином?», многие зрители обвиняли Р. Эрдогана в расизме. Конечно, даже будучи блестящим оратором он вполне мог оговориться. Но могло ли это произойти при затрагивании такого болезненного для Турции «армянского вопроса»?

Тема «геноцида армян» в турецком политическом истеблишменте традиционно воспринимается очень остро. Но, пожалуй, мало кто может сравниться с Р. Эрдоганом в оценке трагических событий 1915 г. Так, в 2015 г. он посчитал «бредом» слова Папы Римского, который на воскресной службе назвал массовые убийства армян в Османской империи первым геноцидом XX в. В апреле 2014 г. будучи премьер-министром Турции Р. Эрдоган впервые выступил с соболезнованиями жертвам событий начала XX столетия. В послании, написанном на 9 языках, в частности, отмечалось: «Нельзя отрицать, что последние годы существования Османской империи для миллионов ее турецких, курдских, арабских, армянских и других подданных, вне зависимости от их религиозной и этнической принадлежности, были сложным периодом, наполненным горькими событиями... С надеждой на то, что древние народы, обладающие схожими обычаями и традициями, смогут вместе и достойным образом вспомнить о своем прошлом и о потерях, мы желаем, чтобы души армян, погибших в событиях начала XX в., покоились с миром, а их внукам передаем свои соболезнования». Однако уже через год, в день, когда в Армении проходили памятные мероприятия, посвященные столетней годовщине геноцида, в Турции пышно отмечалось 100-летие битвы при Галлиполи, при этом в интервью французскому телеканалу France 24 на вопрос, не преследовало ли это цель помешать памятным мероприятиям, посвященным 100-й годовщине геноцида армян, Р. Эрдоган ответил: «...Никакого отношения к

организованным Арменией мероприятиям это не имеет. Более того, именно армянская сторона так организовала свои мероприятия, чтобы они совпали с нашими».

Для граждан Турции Р. Эрдоган и его Партия справедливости и развития — понятия практически тождественные. История партии фактически является историей становления Р. Эрдогана как политика. И сегодня она на практике осуществляет или, вернее, пытается осуществлять теоретические идеи своего лидера.

Партия справедливости и развития

История создания партии Р. Эрдогана весьма примечательна. Так, исламистская партия «Рефах» (Партия Добродетели — ПБ) после признания Конституционным судом Турции неконституционной и ее запрета в 2001 г. раскололась на две: Партию счастья (ПС) во главе с Р. Кутаном и Партию справедливости и развития (ПСР) во главе с успешным на тот момент побывавшим мэром Стамбула Р. Эрдоганом.

Несмотря на то, что большинство населения исповедует ислам, Турция, — светская страна. Так, чтобы не попасть под запрет, ПСР избегала связанных с исламом лозунгов и заявлений. Однако на деле начатый партией «Рефах» курс на исламский «ренессанс» в общественно-политической жизни страны был продолжен.

Очень скоро на ситуацию в стране стали влиять четыре фактора: создание Р. Эрдоганом Партии справедливости и развития на остатках запрещенной ПБ (август 2001 г.); внутренний экономический кризис в стране (2001–2002 гг.); провал трехпартийного правительства и назначение новых парламентских выборов (июль–ноябрь 2002 г.) и заинтересованность США в Турции накануне вторжения в Ирак (март 2003 г.).

Учитывая сложившуюся обстановку, ПСР решила выступить с программой, сочетающей элементы умеренной исламской риторики, прагматичной кейнсианской экономики и жесткой финансовой политики. А взятые на вооружение некоторые идеи кемалистов, в первую очередь о вступлении в ЕС, создали ПСР прогрессивный имидж за рубежом и, можно сказать, усыпили бдительность.

Оценивая шансы ПСР на выборах 3 ноября 2002 г., многие турецкие газеты предрекали ей «протестную» победу. И предсказание сбылось. ПСР удалось далеко уйти от всех преследователей и завоевать беспрецедентное большинство (34,3% голосов). Результаты выборов показали, что турецкий народ более не доверяет либеральным политикам правого толка. Ни одна из партий, присутствовавших в старом парламенте 1999–2002 гг., не попала в новый.

Справедливости ради, надо сказать, что ПСР не обманула ожидания избирателей. К 2007 г. ей самостоятельно удалось стабилизировать политическую и экономическую ситуацию в стране по всем основным параметрам: остановлена инфляция; по темпам экономического роста Турция вышла на первое место в Европе — 8%; сократился разрыв между богатыми и бедными; реализованы многочисленные социальные программы.

Несмотря на свои религиозные корни, ПСР, находясь у власти, внешне старается выдерживать демократические принципы светского государства, заложенные первым президентом страны Мустафой Кемалем Ататюрком. В частности, в стране была успешно проведена денежная реформа, уровень инфляции снижен до 9%, товарооборот вырос более чем в два раза, в 2006 г. размер ВВП достигал 567 млрд турецких лир (400 млрд долл.), что составляет 5,477 долл. на душу населения (против 2,598 долл. в 2002 г., когда страна переживала экономический кризис). Сооружены современные автодороги, завершены многие жизненно важные объекты-«долгострои», открыты сотни новых предприятий и школ и т.д. Именно успешная экономическая политика Р. Эрдогана объясняет, почему за ПСР отдают свои голоса и те, кто считает себя «европеизированными» турками. На фоне всех этих внушительных успехов, вводимые правительством Р. Эрдогана, исламские «новшества» в светской Турции не привлекали особого внимания.

В области внешней политики тоже наметился прогресс: улучшились отношения Турции с Россией, Ираном, арабскими странами. Страна уклонилась от участия своих войск в Иракской кампании 2003 г. На более высокий уровень вышли отношения с

Евросоюзом, квалификационные реформы в Турции получили положительную оценку руководства ЕС.

ПСР также воспользовалась властью, чтобы сделать первый и очень важный шаг по расчистке юридических завалов, нагроможденных армией для консервации ее особого статуса в государстве. В 2004 г. была отменена печально известная ст. 143 Конституции ТР, а вместе с ней упразднены суды государственной безопасности. Европейский суд по правам человека не раз выражал недовольство по поводу того, что судьями в этих правоохранительных органах назначались бывшие военнослужащие, сохранявшие связи с армией и соблюдавшие правила военной дисциплины. На смену им пришли уголовные суды. Судебная система стала ближе к европейской.

Противостояние исламистов и секуляристов

Вместе с тем началось непосредственное противостояние исламистов и секуляристов, не утратившее свою актуальность для Турции и по сей день. Мощнейшая атака на ПСР у власти не заставила себя долго ждать. Поводом стало избрание в Высшее Национальное собрание Турции в 2007 г. нового президента страны. Интрига заключалась в том, что единственным кандидатом в президенты был зарегистрирован представитель все той же ПСР, глава МИД Турции Абдулла Гюль. Как заявляли оппоненты, представителя ПСР вообще нельзя было пускать в президентское кресло, так как он может заняться исламизацией светской Турции вместе с исламистским правительством Р. Эрдогана.

Лагерь секуляристов бросился в затяжную казуистическую атаку. Обвинив ПСР в несогласовании имени кандидата в президенты, оппозиционные светские партии отказались участвовать в процедуре выборов президента в парламенте. Далее по обращению Республиканской партии в Конституционный суд последний признал первый тур выборов президента 27 апреля недействительным по формальному основанию — из-за отсутствия кворума в меджлисе.

Тогда ПСР провела 10 мая через парламент пакет поправок в конституцию о прямых выборах президента. Но здесь А. Гюля заблокировал действующий президент Ахмет Сезар. 25 мая он наложил на поправки вето как противоречащие Конституции, после чего опротестовал в Конституционном суде. Этот юридический марафон закончился только 5 июля, когда Конституционный суд был вынужден все-таки одобрить пакет конституционных поправок о прямых выборах президента и уменьшении кворума в парламенте с 2/3 до 1/3 депутатов.

Но политическая обстановка в стране уже накалилась. Решение Конституционного суда о признании выборов президента 27 апреля в парламенте недействительными подкрепил демарш армии. Начальник Генштаба Я. Бююканыт выступил с заявлением, что ТВС могут вмешаться в события для сохранения светских основ государства.

ПСР понимала, что армейский ультиматум — это последнее предупреждение в адрес правительства: если оно уходит в отставку, то переворота не произойдет, как это было с предыдущими правительствами С. Демиреля, Н. Эрбакана, Б. Эджевита. Если же правительство в отставку не уходит, то в дело вступают танки и солдаты.

На этот раз классический армейский ультиматум сработал лишь наполовину. Р. Эрдоган временно отозвал кандидатуру А. Гюля на пост президента, но сразу же сопроводил этот шаг заявлением в свойственной ему экспрессивной манере: «Мы уважаем решение Конституционного суда, однако считаем его пулей, выпущенной в тело турецкой демократии. Существующие правила блокировали возможность выбора президента страны депутатами парламента. Фактически они сделали это невозможным». Р. Эрдоган подчеркнул, что спасти демократию могут только досрочные выборы в парламент, и предложил провести их уже 24 июня, а если к этому сроку подготовиться не удастся, то 1 или 8 июля.

Одновременно летом 2007 г. правящая исламистская ПСР нанесла военным встречный удар: началось расследование деятельности

тайного общества «Эргенекон». Объявили о складе боеприпасов, найденном полицией в доме армейского офицера; убийстве в январе 2007 г. ультранационалистами из «Эргенекона» армянского журналиста Гранта Динка и планировании убийства нобелевского лауреата по литературе О. Памука. Под арестом оказались 49 человек: армейские офицеры, журналисты, ученые — все известные своим неприятием правящей партии. Многие из арестованных оставались в тюрьме несколько месяцев без предъявления обвинений.

Состоявшиеся 22 июля 2007 г. внеочередные парламентские выборы в Турции вернули все на свои места. В выборах приняли участие 14 политических партий (7395 кандидатов) и 699 независимых кандидатов (в основном курдов). 10%-ный порог пропуска в парламент преодолели 4 партии: Партия справедливости и развития (341 мандат), Республиканская народная партия (111 мандатов), Партия националистического движения (72 мандата). Независимые кандидаты получили 26 мандатов.

Комментируя итоги голосования, Р. Эрдоган сделал принципиальное заявление: «На выборах победила демократия. Народ указал на ПСР как на центр общественного согласия. Наша общая цель — превратить Турцию в мощное и процветающее государство, и мы ни на шаг от нее не отступим. Мы не пойдем ни на какие уступки в деле защиты основополагающих ценностей светской и демократической Турции». Р. Эрдоган объявил, что власти Турции продолжат активные усилия по вступлению в Евросоюз, проведению демократических преобразований, обеспечению экономического подъема страны. Таким образом, в 2007 г. секуляристская оппозиция проиграла вчистую.

ПСР стала первой в истории Турции политической партией, которой удалось четыре раза подряд выиграть парламентские выборы и сохранить власть (2002, 2007, 2011, 2015 гг.). Тем не менее говорить о полной поддержке ПСР не приходится. Как и сам Р. Эрдоган, его партия пользуется безусловной поддержкой одной части населения Турции, в то время как другая видит в ней серьезную

угрозу для будущего страны. О турецкой демократии, или точнее об ее отсутствии в самой Турции не говорит только ленивый.

Международная позиция Турции

В Евросоюз Турцию принимать не спешат, отмечая, что в стране нарушаются права человека, нет свободы слова, и в целом, несмотря на стремление Анкары стать частью ЕС, европейские ценности ей по-прежнему чужды. О пользе этих ценностей можно спорить долго, но, тем не менее, базовую закономерность — чем меньше свободы слова, тем хуже функционирует демократия — в Турции никто не отменял. Последние несколько лет для турецкой журналистики можно уверенно назвать одними из самых сложных за весь республиканский период. Многочисленные примеры давления на СМИ — замалчивание резонансных новостей, судебное преследование нелояльных журналистов, аресты известных публицистов и главных редакторов популярных СМИ — говорят сами за себя.

Отношения Р. Эрдогана с прессой никогда нельзя было назвать простыми, но в последнее время уровень противостояния власти и СМИ переходит все разумные границы. Трудно себе представить, чтобы в демократической стране президент публично обвинил главного редактора одной из старейших газет в государственной измене и потребовал для него пожизненного заключения. Однако именно так поступил Р. Эрдоган в отношении редактора республиканской газеты Cumhuriyet за публикацию критических материалов о связях турецких спецслужб с боевиками «Исламского государства». Более того, за публикацию новости о смертном приговоре экс-президенту Египта М. Мурси под заголовком «Весь мир в шоке — президент, получивший 52% на выборах, приговорен к смертной казни» Р. Эрдоган инициировал иск против газеты Hürriyet, увидев в заметке «подстрекательство к вооруженному мятежу против правительства» и «пропаганду терроризма». В этом заголовке турецкий президент, обычно получающий на выборах тоже больше 50% голосов и, как и М. Мурси, представляющий политический ислам, увидел намек на себя.

По словам немецкого издания Spiegel, Р. Эрдоган чувствует себя «неуязвимым» и «воплощением Турции» и на самом деле убежден в том, что те, кто его критикуют, «действуют против Турции и турецкого народа». Кроме того, все большее беспокойство, прежде всего кемалистского истеблишмента, вызывает «ползучая» исламизация органов государственной власти под руководством правящей ПСР. Однако воспользоваться имеющимися рычагами влияния кемалистам и армии в XXI в. гораздо труднее, чем в XX в.

В любом случае полностью исключить исламистские круги из политической жизни оппозиции уже не удастся, так как народ их поддержал. Турецкому обществу последовательно внушается мысль о том, что намерения ПСР — не исламская революция, а растянутая на несколько лет постепенная и глубокая социально-экономическая реформация в духе умеренного исламизма, с постоянными ссылками на современные демократические ценности и с оглядкой на ЕС¹.

Вообще, позиционирование Турции как своего рода моста, связующего Восток и Запад, очень характерно для действующего руководства Турции. Как считают многие эксперты, базовой идеологией для всех стратегий и тактик современной политики Турции можно считать неоосманизм. Самого Р. Эрдогана в Турции, да и за ее пределами, часто называют султаном за его стремление к восстановлению былой мощи Блистательной Порты и преданность неоосманским идеям.

Ближайший соратник Р. Эрдогана и бывший премьер-министр Турции Ахмет Давутоглу открыто сформулировал приоритеты турецкой внешней политики в своей довольно объемной монографии «Стратегическая глубина: международная позиция Турции», которая вышла в свет еще в 2001 г., за год до того, как ПСР под руководством Р. Эрдогана пришла к власти. Суть изложенных в этом исследовании идей можно свести к следующему: Анкара будет стремиться укрепить и увеличить свое политическое, экономическое,

¹ Н.Г.Киреев «Некоторые проблемы светскости и гражданского общества в Турции в начале XXI века», сб. статей «Турция накануне и после парламентских выборов 2007 г.», Москва, 2008.

дипломатическое и духовное влияние на всем пространстве бывшей Османской империи — на Балканах, Ближнем Востоке, Кавказе и в Северной Африке.

С этими идеями хорошо коррелируется концепция того же А. Давутоглу «ноль проблем с соседями», которая в 2008 г. легла в основу внешнеполитической доктрины Партии справедливости и развития. В соответствии с ней Турции необходимо было взять курс на нормализацию и развитие партнерских отношений со всеми близлежащими государствами. Новые власти настаивали на том, что внешняя политика Турции ранее была несбалансированной, в ней делался чрезмерный акцент на связях с Западной Европой и США, при этом в жертву приносились интересы Турции на Востоке, прежде всего в ближневосточном регионе.

Геополитической стратегией ПСР стала защита правоверных на стыке исламского и западного миров. При этом Р. Эрдоган без устали использовал традиционную риторику о роли Турции как связующего звена между Западом и Востоком. Одновременно необходимо подчеркнуть, что неоосманизм Р. Эрдогана и А. Давутоглу в значительной степени отличается от политики Н. Эрбакана, бывшего премьер-министра Турции, которого принято считать политическим наставником нынешнего президента Турецкой Республики. В то время как Н. Эрбакан стремился создать нечто вроде исламского альянса с мусульманскими странами, такими как Ливия, Иран, Малайзия, Индонезия, в качестве явной альтернативы союзу с Западом, Р. Эрдоган скорее стремится за счет «восточного вектора» дополнить свои связи с Западом, а не заменить их. Можно говорить о том, что это видение во многом совпадает с политикой бывшего президента Т. Озала, который также опирался на имперское наследие и не исключал возможность сосуществования нескольких идентичностей в современной Турции и формирования нового национального консенсуса. Такая позиция находит определенный отклик у населения страны, которому постоянно напоминают, что жители современной Турции — наследники великой многонациональной империи, правившей на Ближнем Востоке, в Северной Африке, на Балканах и даже в части Центральной Европы.

В интерпретации лидеров ПСР и лично Р. Эрдогана в основе неоосманизма должно лежать не тяготение к уже существующим «центрам силы», а экспорт собственных ценностей, ориентированных не только на тюркские народы, но и на весь мусульманский мир. А в перспективе границы подобной экспансии могут быть и еще шире.

Вместе с тем внешняя политика Турции при Р. Эрдогане и правящей Партии справедливости и развития сводилась к двум главным целям. Первая — максимально возможное усиление влияния в арабском мире посредством поддержки (а если нужно, то и создания) умеренных исламистских движений суннитского толка и конфронтации (причем часто показной) с Израилем. Вторая — обуздание курдского сепаратизма.

К слову, турецкая общественная модель, сочетающая национальные традиции с демократическими принципами, долгое время представлялась идеальной для интеллигенции и светской оппозиции многих арабских стран, где несменяемость и семейственность власти все больше раздражала граждан. Темпы экономического развития, постепенное укрепление политических позиций на мировой арене, особенно на региональном уровне, и на первых порах довольно успешная имплементация концепции «ноль проблем с соседями» сделали Турцию привлекательным примером для многих мусульманских стран. Это, казалось, открывало прекрасные возможности для того, чтобы стать влиятельным актором на всем Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Достичь данной цели предполагалось в том числе с помощью умеренных исламистов типа «Братьев-мусульман», которые словно по заказу захватили власть в одной из ключевых арабских стран — Египте. Однако Р. Эрдоган ничего не выиграл от прихода к власти «Братьев-мусульман». Режим Мухаммеда Мурси оказался недолговечным. Более того, новые власти Египта сразу возобновили сотрудничество с израильтянами — и те, и другие полны решимости нейтрализовать ХАМАС и по возможности «выкорчевать» из региона «Братьев-мусульман» вместе со всеми аффилированными группами.

Время показало, что концепция А. Давутоглу, которая легла в основу внешней политики Турции при Т. Эрдогане не принесла успехов и на других направлениях. Застарелый кипрский вопрос так и не был разрешен, Европейский союз как и раньше держит Анкару «на безопасном расстоянии», нет прогресса и в турецко-армянских отношениях: Цюрихские протоколы, которые могли нормализовать отношения между Анкарой и Ереваном, в итоге не были ратифицированы ни в Турции, ни в Армении.

Сирия стала еще одним рубежом, символизирующим разворот эрдогановской Турции в сторону от «нулевых проблем». Там уже шла настоящая война, когда, назвав происходящие в САР события внутривнутриполитическим вопросом для Турецкой Республики, Р. Эрдоган, в то время премьер, разорвал дружественные отношения с президентом Б. Асадом, превратившись в одного из самых ярых противников его режима.

Оказывая помощь боевикам, воюющим против правительственных войск, Турция не приобрела ни влияния в Сирии, ни международного авторитета. Наоборот, о ней все чаще говорят, как о государстве, скорее создающем новые проблемы, чем решающем уже существующие. Кроме того, Анкара получила новое обременение в виде суннитских группировок, которые, так и не сумев свергнуть режим Башара Асада, примкнули к известным исламистским террористическим структурам — «Исламскому государству» и «Джабхат ан-Нусра». Теперь террористы начали вербовать турецких граждан, прежде всего в юго-восточных регионах и даже угрожать некоторым объектам страны.

Иррациональными можно назвать действия Турции, повлекшие за собой резкое похолодание в отношениях с Москвой. Турцию и Россию часто называют историческими соперниками еще со времен их имперского прошлого. Однако после установления республиканского режима в Турции ситуация стала меняться. Нельзя сказать, что соперничество резко сменилось на всестороннее сотрудничество — периоды в отношениях Москвы и Анкары были разные, но обе стороны прилагали усилия для того, чтобы поднять сотрудничество на качественно новый уровень, хотя бы в

региональном масштабе. И многое удавалось. С приходом к власти в Турции правительства Р. Эрдогана отношения с Россией стали действительно улучшаться, особенно заметно это в экономической сфере. По итогам 2004 г. объем двусторонней торговли составил 10,9 млрд долл., например, в 2003 г. он равнялся 6,8 млрд долл. По итогам 2010 г. Россия стала вторым по значению внешнеторговым партнером Турции. По данным за 2015 г., Турция занимала пятое место во внешней торговле с Россией. Товарооборот России и Турции в 2014 г. составил 31 млрд долл.

Между Россией и Турцией существует договоренность о строительстве первой турецкой атомной станции «Аккую» в провинции Мерсин. В марте 2015 г. заместитель министра экономики Турции Аднан Йылдырым говорил, что на повестке дня стоит вопрос о зоне свободной торговли между Россией и Турцией. Много делалось и для укрепления регионального сотрудничества. В 1999 г. появилась межправительственная организация, объединяющая 12 государств Причерноморья и Южных Балкан (ОЧЭС), со штаб-квартирой в Стамбуле. Сверхуспешной ее деятельность назвать трудно, но можно говорить о полноценном партнерстве и хорошем взаимодействии Турции и России в рамках этой организации. Анкара выдвигала и другие проекты региональной кооперации, где главными элементами выступили бы Турция и Россия.

На этом фоне действительно трудно объяснить действия Анкары в ноябре 2015 г., когда над территорией Сирии после якобы нарушения воздушного пространства Турции был сбит истребитель российских ВВС, принимавший участие в операции в Сирии. Разумеется, российская сторона мгновенно отреагировала на эту новость. Президент России В. Путин назвал инцидент с российским Су-24 в Сирии «ударом в спину», который нанесли пособники террористов. И невооруженным глазом было видно, что эти действия Турции для В. Путина были сродни предательству не просто соседа, а друга. Он также заявил, что трагедия с российским самолетом в Сирии будет иметь серьезные последствия для отношений Москвы и Анкары.

Сразу же после трагического происшествия президент Турции по окончании заседания Совета безопасности Турции попытался объяснить: «Мы не хотели этой ситуации, но все должны уважать право Турции на защиту своих границ». Тем не менее до сих пор не вполне понятно, что именно побудило высшее руководство предпринять такой откровенно враждебный шаг по отношению к России. Несомненно, Р. Эрдоган не мог не понимать, что уничтожение самолета вызовет острейший кризис в отношениях с Россией, но при этом он, вероятно, полагал, что этот инцидент заставит прислушиваться к Турции в вопросе определения будущего устройства Сирии и повысит роль Анкары в урегулировании сирийского кризиса.

Вместе с тем испортились отношения Турции и с Европой. Вопрос беженцев, ставший ахиллесовой пятой европейской политики, поставил Турцию, через территорию которой они, как правило, и попадают в Европу, в выгодное для торгов положение, чем она не преминула воспользоваться. По плану турецкого президента за сдерживание потока мигрантов Европа должна щедро отблагодарить Анкару и полностью отменить визовый режим. В противном случае Турция поднимет шлагбаум, и на континент хлынут еще большие потоки беженцев не только из Сирии, но и со всего Ближнего Востока. Сценарий турецкого лидера вроде бы работает — европейцы под влиянием канцлера Германии А. Меркель пошли на уступки, однако в перспективе план Р. Эрдогана может больно ударить бумерангом по самой Турции.

ПСР пока остается самой влиятельной политической силой в Турции, о чем говорит победа партии в ноябрьских выборах 2015 г. Судя по всему, она заставила Р. Эрдогана снова поверить в свои силы, и вместо того, чтобы приступить к решению целого комплекса накопившихся проблем, он предпринял шаги, которые усугубили и без того незавидное положение страны.

К этому моменту стало очевидно, что поддержка уже свергнутых идеологически близких к турецкому режиму властей в Египте и Тунисе была ошибкой. В Ливии, Йемене и Сирии, где турецкие власти заняли такую же позицию, ситуация вообще скатилась к абсолютному

хаосу и гражданской войне. А после вмешательства в сирийский конфликт России и Ирана стало понятно, что турецким планам тут, скорее всего, пришел конец. В целом можно говорить о провале стратегии неоосманизма в ближневосточном направлении, где позиции Турции резко ослабли. Сложно прогнозировать развитие ситуации в дальнейшем, но вполне возможно, что ценой роковой ошибки Р. Эрдогана в сирийском кризисе может стать не только его неоосманский проект, но и во многом достигнутое благодаря его же усилиям благополучие Турции, что, к сожалению, объясняет, почему на вопрос «Кто вы, господин Эрдоган?» между «успешным президентом-реформатором» и «деспотом с султанскими амбициями» выбор все чаще делается в пользу второго варианта.

Над проектом работали: Дарья Хаспекова, Мария Смекалова, Ирина Сорокина, Николай Мухин, Роман Майка, Алиса Замуруева, Александр Тесля и Дмитрий Пуминов

© 2016 Российский совет по международным делам, russiancouncil.ru